

А.П.ЗЫКОВ, И.Л.МАНЬКОВА

РЕЙТАРСКИЙ ШЛЕМ XVII ВЕКА ИЗ ДАЛМАТОВСКОГО УСПЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ: К СОБЫТИЯМ 1662—1667 гг. В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

В фондах Свердловского областного краеведческого музея хранится шлем, некогда бывший одной из главных достопримечательностей усыпальницы старца Далмата, основателя Далматовского Успенского монастыря. О том, что это именно тот самый шлем, свидетельствуют сохранившиеся фотографии, сделанные в монастыре в начале XX в.¹

Согласно свидетельствам очевидцев, посещавших монастырь в XIX — начале XX вв., вместе со шлемом хранилась кольчуга². Во всем комплексе предметов, находившихся в усыпальнице, они играли очень важную смысловую роль в ритуале поклонения праведному Далмату. Как писал краевед А.Кривошеков в 1914 г., “каждый богомолец, приходящий на поклонение гробу Далмата, считает своим неременным долгом одеть эти вещи и помолиться в них, искренно веря, что одежды Далмата (Илигея) исцеляют от слабости, а шишак от головной боли ... Как воина, его считают покровителем и защитником военных”³.

Шлем имеет низкую железную тулью полусферической формы с крутыми, почти отвесными боками. Диаметр тульи в основании 22 см, высота с навершием — 14,5 см. Тулья откована из одного листа железа, толщина его у нижнего края составляет 0,3 см, к вершине несколько утоньшается. Навершие представляет собой небольшой (до 0,7 см) выступ со сквозным отверстием. В современном состоянии навершие сильно завальцовано поздней ковкой, отверстие имеет диаметр всего 1,5 мм. Очевидно, изначальный его диаметр был больше. Отверстие служило для крепления небольшой шишечки или плюмажной втулки из железа или медного сплава. Нижний край тульи имеет утолщение — рант, выполненный загибом вовнутрь железной пластины.

Спереди у шлема защитный козырек-полка, служивший для предохранения лица от ударов сверху. Он изготовлен из изогнутой под прямым углом железной пластины толщиной 0,2 см. Крепежная часть козырька имеет трапецевидную форму длиной 20 см. и высотой 2 см., изогнутую по форме тульи. Ширина собственно козырька — 3 см, центральный мысок — 4,7 см. Мысок и края козырька имеют заметные выгибы вверх, что должно было затруднять соскальзывание оружия в момент удара. В центре козырька сквозное прямоугольное отверстие размером 2,6 на 0,9 см, служившее для прохода стержня наносника (носовой стрелки). С нижней правой стороны козырька находится клеймо

из 7 неглубоких вдавлений диаметром 1–1,3 мм. К сожалению, атрибутировать это производственное (владельческое ?) клеймо нам не удалось. Козырек соединен с тульей 6 железными заклепками. На фотографии шлема 1914 г. средняя пара заклепок отсутствует. Они служили для крепления скобы наносника, через которую проходил винт, позволявший фиксировать наносник в двух положениях — боевом и походном. В боевом положении наносник опускался вниз и прикрывал лицо от поперечных ударов. В походном положении он поднимался вверх. На описываемом шлеме наносник, крепежная скоба и винт утрачены.

На боковых и затылочных частях тульи шлема на высоте 4 см от нижнего края расположены 21 железная заклепка: 11 с орнаментальными шляпками из медного сплава (латуни ?) и 10 мелкими железными шляпками. В настоящее время последними крепится подкладка — толстая (2–3 мм) кожаная лента шириной 4,8–6 см. Первоначально подклад крепился заклепками с фигурными шляпками, современное же состояние является результатом поздней реконструкции. На фотографии 1914 г. простые железные заклепки, располагавшиеся между фигурными, отсутствуют.

К нижней части подклада тульи сзади пришита основа назатыльника, представляющая аналогичный по сохранности трапецевидный кусок кожи размером 17 на 9 см. К ней заклепками прикреплены 5 выгнутых железных пластин. 4 верхних имеют прямоугольную форму размером 16,5–18,5 на 2–3,5 см. Их торцовые края слегка загнуты внутрь. Нижняя пластина пятиугольной формы размером 16 на 8,5 см. Пластины назатыльника имеют набор с нахлестом сверху вниз. Они скреплены с подкладкой 20 железными заклепками со шляпками из медного сплава (латуни?) и 8 — с простыми железными. На фотографии 1914 г. назатыльник не прикреплен к тулье шлема. Его современное состояние является результатом реставрации, проведенной после фотографирования в 1914 г. При этом назатыльник был жестко скреплен с тулей грубой железной заклепкой и значительно смещен вправо, почти на ухо. Это произошло из-за неумелой перелицовки подкладки тульи. На нижних височных частях подкладки сохранились стежки от места пришива основы наушей. Они не сохранились, но, очевидно, были выполнены аналогично назатыльнику — из железных пластин, прикрепленных к кожаной основе.

На тулье шлема сохранились следы боевых повреждений — разруб длиной 7 см (на левой передней части) и грубая вмятина (на правой височной части), оставленные узколезвийным клинковым оружием (саблей ?) и выправленные ковкой с изнанки. На фотографии 1914 г. разруб виден еще не выправленным. На задней затылочной части шлема имеются две невыправленные ковки вмятины, оставленные узколезвийным оружием и тупым предметом (дубиной, обухом топора ?)

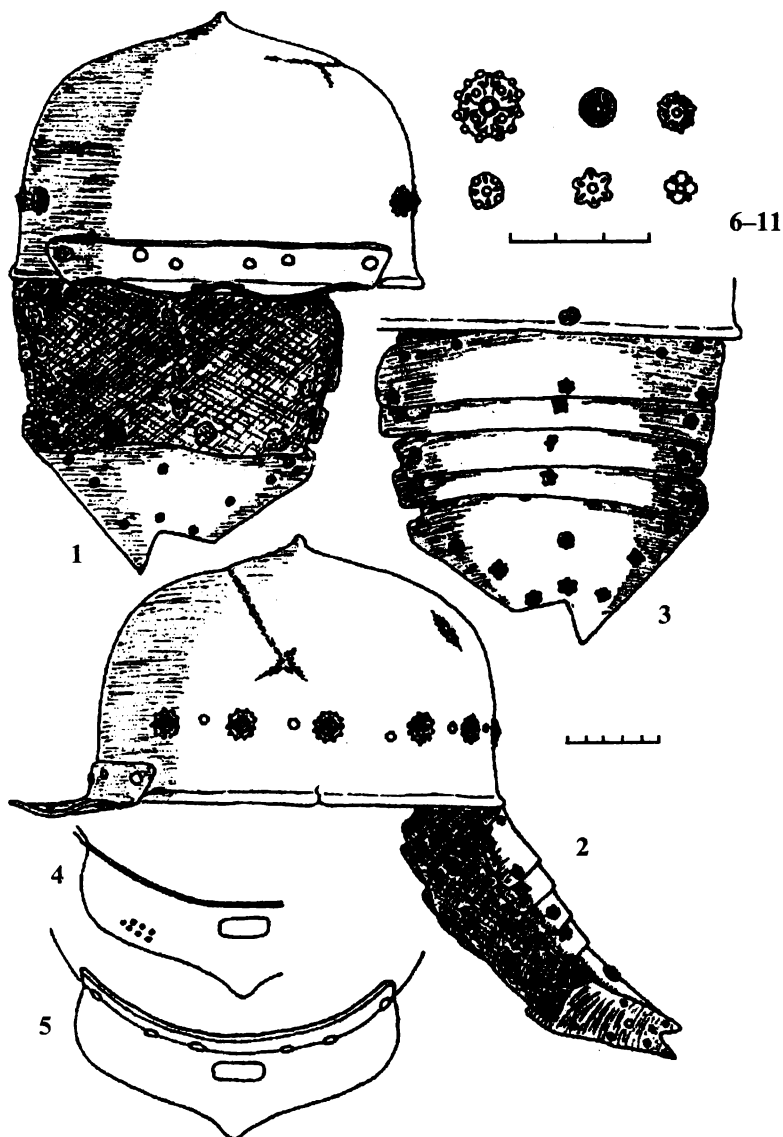


Рис. 1. Шлем из Далматовского Успенского монастыря. 1 — вид спереди; 2 — вид сбоку; 3 — наатыльник (вид сзади); 4 — клеймо на козырьке (вид снизу); 5 — козырек (вид сверху); 6-11 — латунные фигурные шляпки заклепок тульи и наатыльника.

Имеющиеся фотоматериалы позволяют заключить, что значительная реконструкция шлема была сделана между 1914 и 1922 гг., когда по постановлению Екатеринбургского губисполкома весь комплекс монастырских зданий был передан Далматовскому краеведческому музею. Видимо, тогда шлем и кольчуга попали в музейную экспозицию и благодаря этому не погибли в 1929 г., когда на волне антирелигиозной истории было уничтожено почти все оставшееся монастырское имущество.

Шлем из Далматовского монастыря относится к типу западноевропейских кавалерийских шлемов, называвшихся во Франции “капелина”, в Германии “паппенхаймер” (название происходило от прозвища кирасир имперского полководца Тридцатилетней войны Готфрида Генриха фон Паппенхайма), в Польше — “шишак”⁴. Они состояли на вооружении тяжелых видов конницы — рейтар, кирасиров, конных аркебузир, польских и литовских гусар.

Прототипами европейских капелин были низкие сфероконические цельнокованные шлемы Ближнего и Среднего Востока и евразийских степей, появившиеся не позднее середины XIV в. Они имели кольчужную, ламинарную или чешуйчатую бармицу, иногда усиленную наушами из 2–3 стальных дисков, часто — подвижный наносник⁵. В XV в. появляются шишаки с назатыльниками и наушами из железных пластин, нашитых на матерчатую или кожаную основу (рис. 3 — 1). С конца XV в. шишаки восточного типа известны на вооружении русских воинов, где с середины XVI в. они стали основным типом боевого наголовья, полностью вытеснив традиционные русские “шеломы” — высокие колоколовидные шлемы с длинным шпилем-навершием⁶.

В первой половине XVI в. в Турции вырабатывается классический тип восточного шишака со сфероконической тульей, защитным козырьком (полкой) и подвижным наносником, с железными пластинчатыми наушами и назатыльником, соединенным шарнирами с тульей⁷. В отличие от турецких, иранские и индо-мусульманские шлемы XVI — XVIII вв., как правило, не имели козырьков. Не позднее середины XVI в. шлемы турецкого типа появляются на вооружении польских и венгерских кавалеристов, быстро вытесняя более дорогие закрытые шлемы с подвижными забралами типа “бургиньот” (польские названия “пшилбца”, “штурмак”, “штурхауба”)⁸. В конце XVI — первой половине XVII в. из Польши и Венгрии новый тип шлемов распространяется по всей Западной Европе⁹.

Однако, западноевропейские шлемы не были простой копией восточных шишаков. Во-первых, они имели не сфероконическую, а очень низкую полусферическую тулью, часто с крутыми, почти отвесными боками и слабовыпуклым верхом. Во-вторых, в отличие от восточных образцов у европейских капелин был матерчатый или кожаный под-

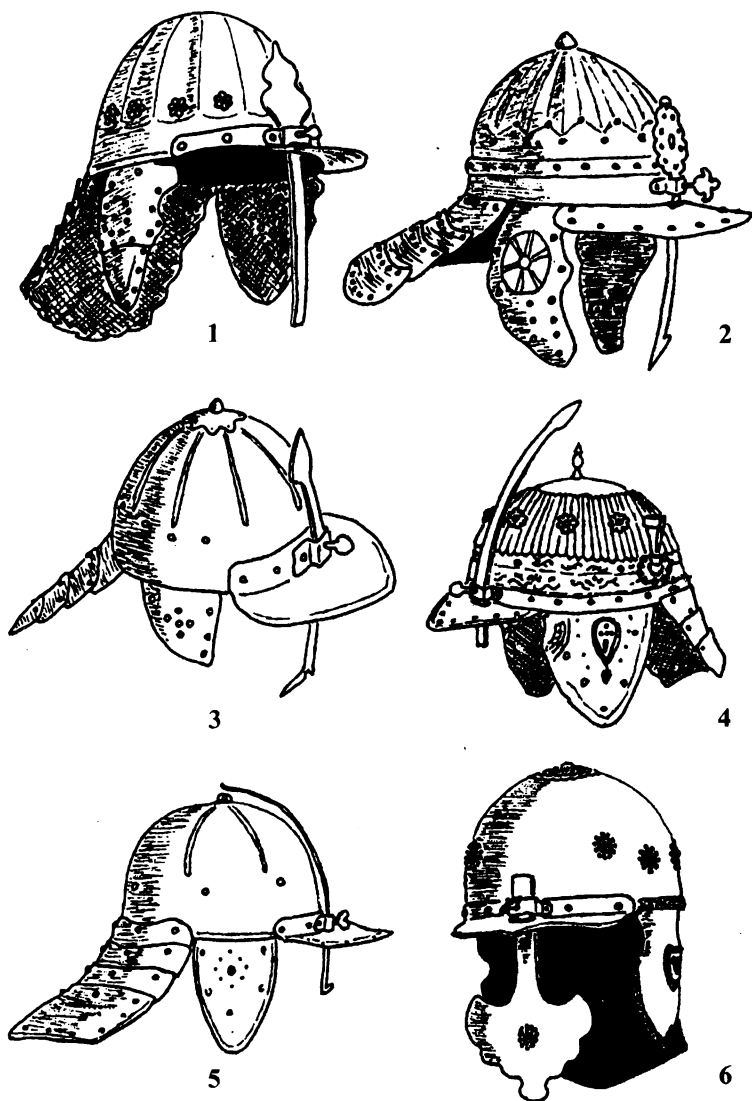


Рис. 2. Западноевропейские шлемы: 1–3 — английские шлемы середины XVII в. (Королевский Арсенал и Национальный военный музей, Лондон); 4 — шлем герцога лотарингского Карла II, венгерской работы, около 1580 г. (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург); 5 — французская капелина второй половины XVII в. (Парижский артиллерийский музей); 6 — польский гусарский шлем второй половины XVII в. (Музей Войска Польского, Варшава).

клад, прикрепленный к тулье с изнанки. Подклады наушей и назатыльника пришивались к подкладу тульи. Верхние пластины назатыльников часто дополнительно приклепывались непосредственно к краю тульи. Использование подклада позволяло надевать капелину непосредственно на голову без специальной шапочки-подшлемника, совершенно необходимой для ношения азиатских шишаков. Это обстоятельство было немаловажным, т.к. в XVII в. в западноевропейской моде господствовали мужские прически с длинными волосами.

В середине — второй половине XVII в. технология производства западноевропейских капелин упрощается: тулья стала делаться не цельноконической, а состояться из двух половин, соединенных заклепками. Место соединения усиливалось гребнем — небольшим на рейтарских и кирасирских шлемах и высоким на шлемах польских “крылатых” гусар¹⁰.

Русские шишаки XVII в., в том числе и парадные царские образцы, продолжали сохранять сфероконическую форму тульи (рис. 3 — 3). В их оформлении присутствовали как европейский тип крепления назатыльников и наушей к подкладке, так и восточный — крепление усиленных деталей шарнирами к нижнему краю тульи. Вероятно, европейское влияние сказалось в распространении в России XVII в. простых шлемов (“шапок”) с пониженной тульей полусферической или куполовидной формы¹¹. Однако известные русские образцы разительно отличаются от западноевропейских кавалерийских шлемов типа “капелины”.

По комплексу характерных признаков шлем из Далматовского монастыря относится к изделиям западноевропейского типа первой половины — середины XVII в. Без атрибуции клейма точное определение места изготовления данного образца невозможно. Он мог быть изготовлен в одной из стран Западной Европы. Защитное вооружение для русских рейтарских полков “нового строя” частично закупалось в европейских странах. Так, например, в 1660 г. купец голландец Иван фон Сведен по поручению царя Алексея Михайловича приобрел в Голландии крупную партию мушкетов, лат, шишаков, карабинов и прочего¹². На вооружение русской армии поступали и военные трофеи, которые были захвачены в ходе успешных компаний 1654–1655 гг. против Речи Посполитой и 1656 г. против Швеции. Тогда в Литве и Ливонии были взяты десятки городов с их арсеналами.

Рейтарские шишаки и латы изготавливались на Каширском Чернцовском заводе, построенном голландцами П.Марселисом и Ф.Акемой в 1653 г.¹³ Согласно договору владельцы завода поставляли доспехи в Оружейный приказ по цене 2 руб. (Для сравнения, мушкетный ствол и шпага с крыжами и ножами стоили по 60 коп.) На Тульских и Каширских железоделательных заводах технологические процессы

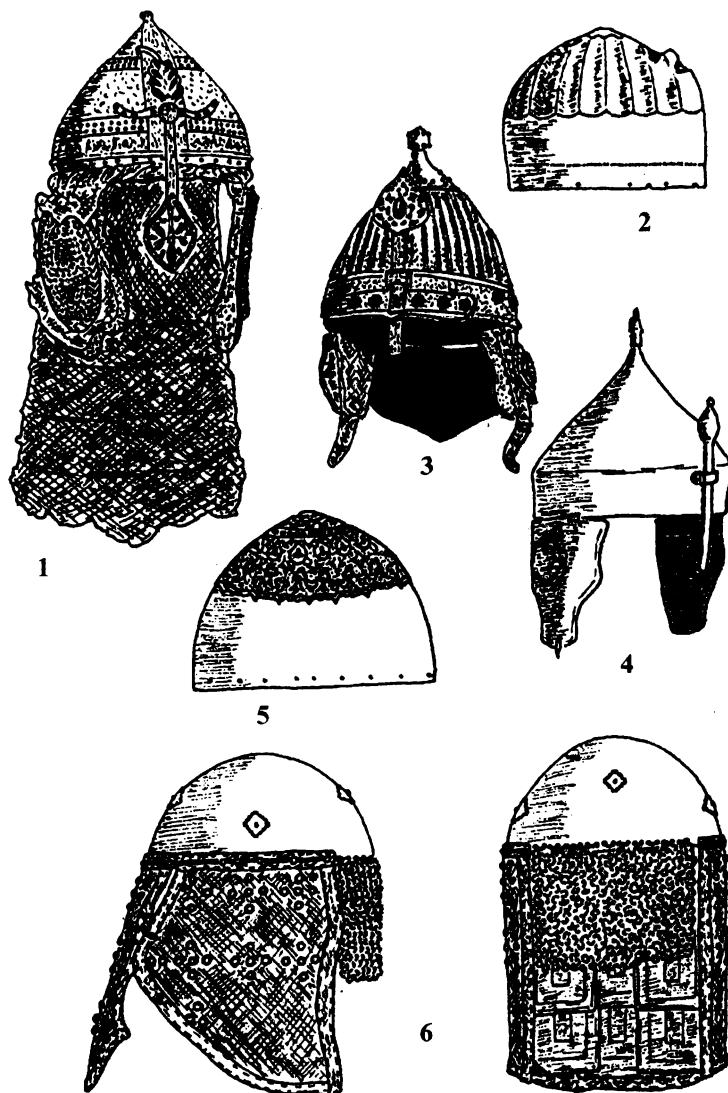


Рис.3. Восточные шлемы: 1 — шлем правителя Делийского султаната, XV в. (Национальный музей, Дели); 2 — ишиак с озера Пяку-то (фонды ПНИАЛ УрГУ, Екатеринбург); 3 — ишиак царя Алексея Михайловича, 60-е гг. XVII в. (Оружейная палата Московского Кремля); 4 — шлем хана Кучума, конец XVI в. (Оружейная палата Московского Кремля); 5,6 — шлемы сибирских татар, конец XVI — начало XVII вв. (ТИАМЗ, Тобольск).

осуществлялись под руководством иностранных мастеров. В 1662 г. эти заводы были забраны в казну. Но, видимо, у государства не получилось “держать их в добром строении”, и в 1667 г. они были возвращены П.Марселису. Во время составления передаточной описи заводского имущества, на Чернцовском заводе находились в числе прочего “1051 латы рейтарских с шишаки, 28 шишаков без лат, 621 доска латных, передних и задних”. Любопытно, что в распоряжении П.Марселису об обязательных казенных поставках в 1667/68 г. и “впредь погодно” доспехи не упоминались¹⁴. Очевидно, это было связано с тем, что после заключения Андрусовского перемирия с Польшей создание новых рейтарских полков было приостановлено.

В монастырской традиции появление шлема и кольчуги связывается с самыми первыми страницами истории обители. В 1644 г. Далмат пришел на берег Исети и поселился на землях тюменского ясачного татарина Илигея. То, что это действительно были владения Илигея, подтверждается сообщением тюменского воеводы И.Ю.Тургенева 1647 г. об очередном набеге калмыков на эти места¹⁵. Согласно монастырской истории, в 1646 г. Илигей добровольно передал старцу свои владения на Белом городище при впадении реки Течи в реку Исеть и в знак примирения и признания подарил шишак и кольчугу.

Эта версия представляется малоубедительной. Всего нам известно 5 шлемов конца XVI–XVII вв., происходивших с территории Западной Сибири (рис. 3 — 2, 4–6) и имевших русское или среднеазиатско-иранское происхождение¹⁶. При всей малочисленности этой выборки, она дает достаточное представление о характере вооружения и сибирских татар, и русских служилых людей в Сибири конца XVI — XVII вв. И хотя в пополнении гарнизонов первых сибирских городов заметную роль играли ссыльные “литва”, “черкасы” и “немцы”, абсолютное большинство из них были военнопленными Смутного времени и Смоленской войны 1632 — 1634 гг. и вряд ли могли сохранить свое национальное вооружение. Единственным исключением была рейтарская рота, сформированная в Нижнем Новгороде из 100 пленных и перебежчиков “иноземцев и литвы и черкас” и переведенная в 1635 г. в Тару. Рота имела европейское вооружение — латы, шишаки, шпаги¹⁷. Но это подразделение действовало слишком далеко от места постройки обители.

Но даже если бы в монастырь вскоре после его основания и попала каким-либо образом трофейная европейская капелина, она вряд ли смогла бы сохраниться до наших дней. В сентябре 1651 г. войско сибирского царевича Кирея и его племянника Кучука Аблина совершило набег на Исетскую обитель. “Воинские люди” сожгли часовню, кельи и крестьянские дворы. Пять старцев и часть монастырских служек, трудников, крестьян с семьями погибли в огне, остальные были взяты в полон (всего 20 — 30 человек). Имущество было разграблено, а скот

отогнан в степь за реку Исеть. Вернувшись из поездки по слободам Тобольского уезда, старец Далмат нашел на месте своей пустыни пепелище¹⁸. Согласно монастырскому преданию, после этого пожара уцелела только икона Успения пресвятыя Богородицы. О шлеме упоминаний нет.

Скорее всего, появление будущей реликвии в монастыре связано с событиями, происходившими на Исетском рубеже в 60-е гг. XVII в.

В 1660/61 г. (по ранней редакции Сибирского летописного свода “Книге записной” — в 1658/59 г.) в Тобольске началось формирование рейтарского и солдатского полков по 1000 человек в каждом. Для этого из Москвы были присланы “полковники и полуполковники немцы Вилим Филиппов, Яков Меиль, Василий Плалка, Дмитрий Полуехтов, Иван Волков и многие иные немцы и русские, майоры и порутчики, и прапорщик”. В рейтары зачислялись готовые местные кадры кавалерии — дети боярские, служилые “литовского списка”, конные казаки, их дети и братья. Однако, довести до запланированной штатной численности эти первые в Сибири полки “нового строя” не удалось — всего “прибрано было рейтар и салдат 1800 человек”¹⁹. Рейтары и солдаты были поселены в слободах Тобольского, Тюменского и Верхотурского уездов. Вместо хлебного жалования они получали кормовые деньги и покупали хлеб у местных крестьян по указной цене, что последним было не выгодно и вызывало постоянное неудовольствие.

Формирование и обучение тобольских рейтарского и солдатского полков было прервано в 1662 г., когда в Приуралье и Зауралье началось грандиозное антирусское движение, поставившее под серьезную угрозу южные границы Российского государства в этом регионе.

В отечественной историографии, в том числе и в современной, эти события обычно именуются башкирским восстанием 1662–1664 гг.²⁰ На наш взгляд, восстание башкир было лишь частью скоординированных действий широкой коалиции антирусских сил, в которой башкиры играли хотя и очень важную, но никак не руководящую роль. Главными инициаторами войны с Россией и подстрекателями бунта нерусских народов края, в том числе башкир, были часть калмыцких тайшей и их вассалы-кучумовичи.

Причиной выступления калмыков стало резкое ужесточение условий русского подданства, до этого достаточно формальных и необременительных. Требования шерти 1661 г. вызвали раскол среди тайшей, антирусски настроенная часть которых объединилась вокруг верховного тайши Дайчина, а оставшиеся верными договорам с Россией — вокруг его сына Мончака. Формальным поводом к разрыву с Москвой стал захват Мончаком и передача астраханскому воеводе внука Дайчина Манжика (Ялбы), совершившего зимой 1661–1662 г. набег на русский Терский городок²¹. Летом 1662 г. Дайчин и его зять

Аючей спровоцировали восстание башкир Ногайской и Казанской дорог, а весной — летом 1663 г. они уже дважды лично ходили с большими силами в набеги под Уфу и на Мензелинск. Осенью Дайчин послал к восставшим башкирам, стоявшим под Мензелинском, крупные силы — “калмыков 4000 да нагайских людей”²².

Потомки хана Кучума на протяжении всей первой половины XVII в. не отказывались от претензий на восстановление Сибирского ханства. И хотя силы “бродячих царевичей” были ничтожны, а сами они давно уже стали вассалами калмыцких тайшей, само их имя природных Чингизидов могло стать очень притягательным знаменем для любого выступления против Москвы. И это со всей ясностью проявилось в событиях 1662–1664 гг. Башкиры Сибирской и Осинской дорог подняли восстание под лозунгом перехода в подданство сибирского царевича Кучука, правнука Кучум-хана. “Татаровя уфинские и пышминские и япончинские и верхотурские ясачные вогуличи руки подали царевичам” и восстали летом — осенью 1662 г. Тайными “ссылками от царевича от Кучумова” объясняются и волнения пелымских вогулов осенью 1662 г., и заговор 1662–1663 гг. обдорского князя Ермака Мамрукова, в который были вовлечены остяки всех волостей Березовского уезда, а также пустоозерская, обдорская и тазовская самоядь²⁴.

В своих ярлыках, рассылаемых восставшим башкирам, царевич Кучук прямо подчеркивал свою зависимость от тайши Дайчина, именуя его “отец мой”²⁵. Примечательно, что непрерывные набеги на русские границы царевича Кучука продолжались до самой смерти Дайчина в 1667 г., после чего они были окончательно пресечены тайшей Аблаем, который “взял у него, царевича, аманатов для того, чтоб ... он без его указу воевать никуды не ходил ...”²⁶

Боевые действия в Зауралье начались летом 1662 г. Незадолго до этого тюменский воевода М.Павлов доносил в Москву, что “на Исете реке ниже Синару речки стоит колмыков тысячи с две и что намерены они итти на Исецкой Долматовской монастырь”²⁷. В конце июля отряд в 400–600 башкир, черемисов и татар совершил набег и осадил Китайский острог и Далматовский монастырь. К этому времени обитель была укреплена острогом. После разорения окрестных деревень и нескольких неудачных приступов повстанцы отошли. В августе — сентябре набег был повторен большими силами. Во главе его стоял башкирский феодал Сары Мергень, приближенный царевича Кучука. Башкиры и татары разорили русские слободы и деревни по рекам Утке, Нейве, Пышме, Режу, Нице вплоть до Ирбитской слободы, расположенной в 160 км севернее Далматовского монастыря²⁸.

Русскими властями были приняты явно недостаточные меры для отражения этих набегов. Так, в августе верхотурский воевода И.Б.Камынин послал в Китайский острог “для оберегения от воинских людей

верхотурских стрельцов 20 человек, а с ними пороху и свинцу”²⁹. Первый крупный отряд был послан лишь в сентябре. Им командовал сын тюменского воеводы И.М.Павлов. Кроме тюменских ратных людей в отряд включили “маеора Улфрика Сниттера с рейтары, которые рейтары в то время присланы были из Тобольска на Тюмень для ученья ...”³⁰ Отряд прошел вдоль Исети до р. Течи, но не встретил повстанцев, уже успевших отступить к озеру Иртяш.

Обеспокоенное масштабами восстания, правительство царя Алексея Михайловича 29 сентября 1662 г. послало тобольскому воеводе князю И.А.Хилкову указ “о чинении поисков над башкирцами”³¹. В этот период в Зауралье только тобольский воевода располагал достаточно вооруженными силами, в том числе и рейтарским полком — единственной крупной кавалерийской частью, способной бороться с татаро-башкирской конницей.

В октябре из Тобольска на Исеть был послан отряд полковника Дмитрия Полуектова, состоявший из рейтар и солдат. Зимой 1662–1663 г. этот отряд проходил через Далматовский монастырь, где “Дмитрию полковнику, с ратными людьми всякое споможение чинили на изменников башкирцов: всему воинству давали из монастырской житницы всякие хлебные запасы ... и салдатам пушные шубы и зипуны безденежно, и вожей на изменников, старца со служебники, посылали”³². С проводником, старцем Никоном, отряд Д.Полуектова совершил рейд вглубь башкирской территории до озера Иртяш, где “бои ... з башкирцы были, и языков и плену взяли много...”³³. Впрочем, значительная часть башкир успела отступить, а организовать их преследование не удалось, “потому что в степи укинули снега большие”³⁴.

Зимой — весной 1663 г. Д.Полуектов не предпринимал никаких активных действий, очевидно, следуя инструкциям тобольского воеводы. В отписке в Сибирский приказ от 26 марта 1663 г. князь И.А.Хилков сообщал, что решил воздержаться от похода в степь на кучумовичей, т.к. “тот царевич Кучук с вашими государевыми прежними изменники кочует в степи в дальних местах по Яйку реке”³⁵. Воевода рассчитывал погасить конфликт путем переговоров с повстанцами. Отряд Д.Полуектова был расквартирован мелкими гарнизонами по зауральским слободам, какое-то количество солдат было оставлено и в Далматовском монастыре.

В этот период рейтары и другие русские ратные люди были заняты карательными операциями против принявших участие в восстании сибирских татар. Воеводская переписка этого времени сообщает, что “рейтарского строю Иван Коряков с товарищи ясашных татар на полях пытали и з детми убили до смерти...” и что “райтарского и салдатского строю ... многих туринских ясашных татар побили и с юрт согнали ...”³⁶

Боевые действия вновь начались в конце июня — начале июля 1663 г. “Воевать государевы слободы и остроги” пришло большое войско (“человек с 1000 и больши”) татар царевича Кучука и башкир Урасланбека Бактыева (Баккина). Эпицентром военных действий стала Невьянская волость. Были разорены село Покровское Невьянского монастыря, деревни вокруг Арамашевской слободы и осаждена сама слобода.

Из Невьянского острога на помощь осажденным был выслан “маеор Ольфер Иванов с райтары и капитан Макарей Галасейн с солдатаы”. Но малочисленный русский отряд, которому были “те изменники не в силу”, попал в окружение. Положение спас своевременный подход полковника Д.Полуектова с крупными силами рейтар и солдат. После нескольких мелких стычек татаро-башкирская конница отступила южнее реки Реж.

Во второй половине июля — сентябре русские власти никаких действий против мятежников по-прежнему не предпринимали. Отряд Д.Полуектова, конница которого была ослаблена падежом лошадей, вновь был расквартирован по слободам на реках Реж и Нице, сам полковник расположился в Киргинской слободе. Инструкции тобольского воеводы “в степь на изменников на дальние их кочевья ... государевым ратным людям ходить не велели, для того что у многих рейтар и всяких чинов служилых конных людей лошади попадали”³⁷. Таким образом, поселения на Исетском рубеже, в том числе и Далматовский монастырь, оказались без дополнительной защиты и вынуждены были сами предпринимать меры безопасности.

В конце июня 1663 г. по поручению старца Далмата монах Лот совершил дерзкую разведку “в степь для проведывания воровских людей”. Он “имал с собою” трех солдат (очевидно, оставленных в гарнизоне монастыря из отряда Д. Полуектова. — *А.З., И.Л.*) и монастырских людей “человек с пятьдесят с ружем”, и они ходили “вверх по Исете реке под Камень ден с десять ...”, после чего без боя вернулись в обитель³⁸.

Противник не замедлил воспользоваться пассивностью русских. В начале октября в русские владения прорвались крупные силы татар и башкир, которые стремительно продвигались к слободам, расположенным на реке Нице. Навстречу им из Киргинской слободы выступил Д.Полуектов с рейтарами. В 15–20 км южнее ее, близ д.Зверевой на реке Березовке, 9 октября 1663 г. произошел бой, в котором “государевы ратные люди не устояли, потому что тех изменников приходило на ... государевы слободы многие люди...” Смятые конницей противника русские рейтары понесли большие потери. Д.Полуектов получил три ранения. После боя, разорив окрестности русских слобод, мятежники отступили в степь. Раненный Д.Полуектов был отозван в Тобольск, а его временно заменил рейтарский подполковник Василий Бланк (Бланка, Планка).

Зима 1663–1664 г. прошла в оживленной переписке между Тобольском и Москвой. Воевода И. А. Хилков, ссылаясь на мнения опытных служилых людей, просил разрешения на организацию весеннего похода на мятежников, чтобы предотвратить новые набеги: “...а только де ... на их кочевья на весне по пластам не послать — и от тех де изменников вперед на ... слободы и остроги чаять приходу и над слободами великого разоренья”³⁹.

14 марта 1664 г. крупный отряд под командованием оправившегося от ран полковника Д. Полуектова двинулся в степь. В верховьях реки Миасс у озера Чарги русские напали на кочевья зауральских башкир. В бою был убит их предводитель Урасланбек, а также “побили боевого люду человек со 100, oprичь жен и детей...” и захватили 9 “языков”. “Башкирцы, которые после погрому остались, убежали за Камень к речке Аю на старые свои жилища”. Кучумовичи, кочевавшие в это время в верховьях реки Уй, узнав о разгроме башкир Урасланбека, отошли еще южнее — к реке Яйку⁴⁰.

В административной переписке о событиях 1662–1664 гг. нашло отражение только разорение деревень Далматовского монастыря 1662 г. Однако в челобитных более позднего времени монахи, описывая свои бедствия, отмечали, что “в 7170 (1662), 7171 (1662/63), 7172 (1663/64) годах приходил на нас ... царевич сибирский войною с изменники, башкирцы, дважды сам, а в третие татар посылал и великое разорение нам ... учинил...”⁴¹.

Это свидетельство не лишено оснований. К лету 1664 г. восстание башкир, в том числе и Сибирской дороги, фактически прекратилось. Но продолжались еще волнения сибирских ясачных татар. Не сложили оружие и кучумовичи. Летом крупный набег совершил царевич Асан, сын Девлет-Гирея, троюродный брат Кучука. Основные боевые действия развернулись близ Невьянского монастыря, где русские рейтары и ратные люди под командованием подполковника Вилима Филиппа Фальзенца (Вилима Филиппова) разбили татар царевича Асана⁴². Летом 1665 г. набег возглавил царевич Кучук. Татары дошли до Киргинской слободы, но были отбиты войсками под командованием Д. Полуектова. В 1666 г. русские власти ожидали набег Кучука на Тюменский уезд. Наконец, в августе 1667 г. царевич Кучук совершил разорительный набег на Тарский уезд. В этом же году кучумовичи тревожили мелкими набегами и Исетский рубеж, где находились рейтары под командованием майора Ивана Волкова⁴³.

Осенью 1667 г. от перебежчиков-башкир русские власти получили сведения, что калмыцкий тайша Аблай, новый сюзерен царевича Кучука, запретил своему вассалу воевать⁴⁴. Боевые действия в Зауралье прекратились. Потомки хана Кучума уже больше никогда не тревожили границ русских владений и навсегда сошли с исторической сцены.

Вскоре основная часть тобольских рейтар и солдат отряда Д.Полуктова была отозвана с Исетского рубежа и из зауральских слобод⁴⁵. Рейтарский полк был фактически распушен. Это было связано с нововведениями нового тобольского воеводы стольника П.И.Годунова. “Высматривая, в чем бы великим государям учинить в Сибири прибыль”, он решил построить “засеки, вал и острожки” от Катайского острога до реки Тобола, чтобы обезопасить слободы на случай новых набегов, а вместо рейтар и солдат “устроить драгунов” и поселить их не в пашенных слободах (что вызывало неудовольство крестьян), а отдельно — около новых “крепостей”. Оклад у драгун был меньше, чем у рейтар, что, по мнению П.И.Годунова, давало существенную экономию казенных средств.

В связи с этим был сформирован драгунский полк (1200 человек). В Тобольске осталось только 2 рейтарских роты по 120 человек и по “полуроте” в Тюмени и Таре⁴⁶. Вероятно, не последнюю роль в решении переформировать большую часть рейтарских рот в драгунские имел и опыт боевых действий 1662–1667 гг. Применение тяжелой кавалерии против легкой татаро-башкирской конницы не оправдало себя.

По-разному сложилась дальнейшая служебная карьера начальных людей, присланных в 1660/61 г. для создания рейтарского полка. Так, “айтарского (рейтарского. — *А.З., И.М.*) строю полуполковник” Иван Стефанович Волков был назначен приказчиком в Шадринскую слободу. 14 марта 1671 г. он “приложил за вклад” в Далматовский монастырь жеребца. Это давало ему право в любое время поселиться в монастыре и быть на его содержании. Но в 1671/72 г. И.Волков скончался, завещав похоронить его в обители и поминать “себя отдатчей” иконы, трех лошадей, различной посуды, пупчатого кафтана под желтым атласом и двух скатертей⁴⁷. В более поздних документах рейтары на Исетском рубеже уже не упоминаются. Единственным родом конницы здесь были беломестные казаки и драгуны.

Таким образом, наиболее вероятным временем появления рейтарского шлема западноевропейского типа в Далматовском Успенском монастыре нам представляется период пребывания на Исети тобольских рейтар из отряда полковника Д.Полуктова, т.е. 1662–1667 гг. Обращают на себя внимание повреждения на шлеме — следы трех сабельных ударов, один из которых привел к прорубу тульи и, очевидно, к серьезному ранению владельца в левую височную кость. Эти повреждения как нельзя более соответствуют характеру степного конного боя. И именно в центре таких больших и малых боев с участием русских рейтар и оказалась Далматовская обитель в период войны 1662–1667 гг. В это время Исетский Успенский монастырь был и форпостом, который первым принимал удары с юга, откуда приходили первые сообщения о продвижении противника, и перевалочной базой во время походов в

Южное Зауралье, где можно было пополнить запасы, оставить раненых. Подполковник И.С.Волков был не единственным тобольским рейтаром, нашедшим здесь свое последнее упокоевание. Возможно, казенный шлем убитого или увечного русского воина стал его вкладом на помин души в Исетский монастырь и долгое время хранился в арсенале монастыря-крепости.

Когда же шлем и кольчуга стали монастырскими реликвиями? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к истории формирования культа праведного Далмата.

Далмат умер в 1697 г. и был похоронен, следуя традиции, в Успенской церкви. Во время пожаров 1707 и 1708 гг. деревянная церковь сгорела. На территории монастыря началось возведение каменного храма. Чтобы увековечить место захоронения Далмата, “на месте преждебывшей начальной церкви” была построена “часовня брусная над телом, где погребен бывшей начальный старец инок Далмат”. “Мерою внутрь оная часовня в длину четьре сажени, в широту две сажени и два аршина, крыта тесом на два ската”. Так описывается усыпальница Далмата в монастырских документах 1731–1732 гг.⁴⁸

С возведения часовни, и с создания ее внутреннего убранства начинается сложный процесс трансформации представлений о Далмате как реальном человеке в восприятие его как святого. Очевидно, в то же время, когда было принято решение о строительстве часовни, сын Далмата архимандрит Исаак составил самую первую историю основания Далматовского монастыря, названную нами при публикации “Известие об основании Далматовского монастыря”⁴⁹. Оно написано в жанре исторической повести с учетом агиографического канона. Не исключено, что эта идея пришла Исааку, когда он вместе с сибирским митрополитом Игнатием впервые освидетельствовал мощи Симеона Верхотурского.

Ключевыми сюжетами сочинения Исаака стали отшельническая жизнь Далмата в пещере, воинственность Илигея, а затем его чудесное прозрение, разрешение конфликтной ситуации между христианином и иноверцем с помощью Божьего промысла. “Известие” можно рассматривать как основу для создания Жития Далмата. События в нем доведены только до 1651 г. — официального признания властями Исетской пустыни, а затем идет беглое перечисление переписей монастырских земельных владений по 1683/84 г.

Сюда не попали рассказы о разорении монастыря во время набегов кочевников и о чудесном сохранении во время пожара иконы Успения Богородицы, которая стала считаться чудотворной и в честь нее был построен главный храм обители. Об этих событиях старцы всегда писали в своих челобитных на царское имя XVII в., никогда не упоминая Илигея. Это были не менее героические страницы ранней истории мона-

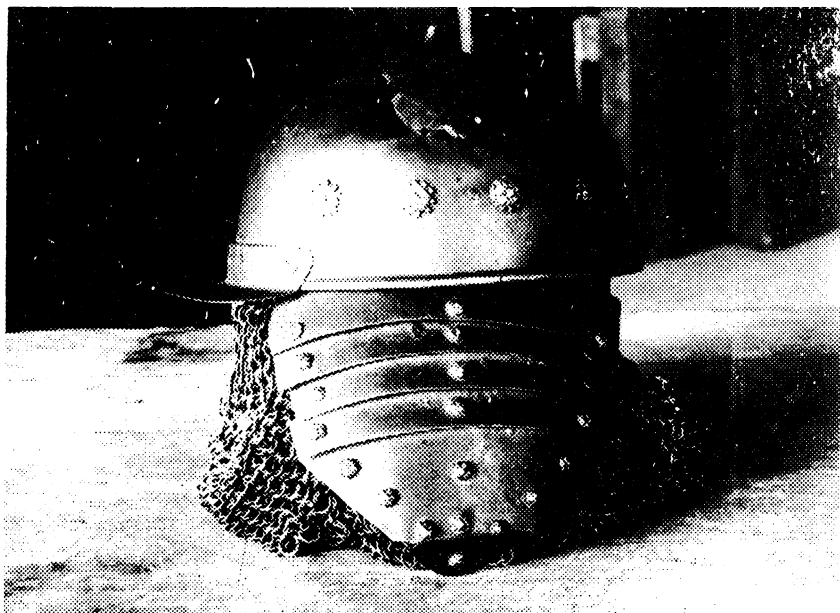


Рис. 4. Шлем и кольчуга Илигея. Далматовский монастырь. Снимок В.Я.Толмачева, 1914 г. (фотоархив ИИМК, г.Санкт-Петербург, кол. 153/382)

стыря, но для формирования образа праведного Далмата первостепенное значение имело “Известие” Исаака. В этом сочинении Далмат предстает как мужественный христианин, рисковавший жизнью для утверждения православия в краю иноверцев. Именно сюжеты “Известия” нашли отражение в живописи на стенах деревянной гробницы на могиле Далмата. Эту роспись можно рассматривать как первую попытку создать иконографическое Житие Далмата. Вместе с изобразительным рядом на стенах гробницы были написаны стихи, в которых освещалась история монастыря с 1644 по 1724 г.

Итак, имя и образ Илигея присутствуют в “Известии” Исаака и в созданных на его основе стихах и живописи. Первое произведение было написано в первой четверти XVIII в. (скорее всего, между 1702 и 1718 гг.). Стихи датируются исследователями второй четвертью — серединой XVIII в. Аргументируя эту датировку, А.Кривошеков резонно заметил, что они заканчиваются смертью Исаака в 1724 г. и в них не нашли отражение такие важные для монастыря события, как “Дубинщина” и Крестьянское восстание 1773–1775 гг.⁵⁰ К такой же датировке пришел Н.Г.Рябков, проанализировав поэтическую форму стиха. Он высказал

предположение, что стихи создавались к 100-летию юбилею Далматовского Успенского монастыря, т.е. около 1744 г. одним из братьев Капустиных⁵¹. Очевидно, в это же время появилась и роспись на стенах гробницы. В свете рассматриваемой темы для нас важно, что в этих трех произведениях присутствует сюжет встречи Далмата и Илигея, но нет упоминаний о шлеме и кольчуге. Следовательно, легенда о передаче Илигеем своих доспехов Далмату появилась довольно поздно — во второй половине XVIII–XIX вв. в связи с завершением оформления культа праведного Далмата необходимыми атрибутами. Подобное приспособление предметов вооружения в качестве реликвий чтимых святых-воинов достаточно характерно для Русской православной церкви. В качестве примера можно вспомнить о мечах, приписывавшихся Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею, но датирующихся гораздо более поздним временем, чем период жизни этих святых⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Прошлое Урала в фотографиях. Каталог фотоархива Института истории материальной культуры РАН. Екатеринбург, 1993. С.163.

² Описание внутреннего убранства усыпальницы подробнее см.: *Плотников Г.* Описание мужского Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург, 1906. С. 75.

³ *Кривошеков А.* Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в Исетском крае и его достопримечательности // *Вестник Оренбургского ученого округа.* Уфа, 1914. № 6—7. С. 268.

⁴ *Винклер П.* Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М., 1992. С.188 — 190. Рис.314; *Васильев А.* Польско-литовская гусария XVII века // *Цейхгауз.* 1998. №7. С.5; Большая иллюстрированная энциклопедия древностей. Прага, 1980. С.443; *Солдатенко А.* Польская гусария 1500 — 1776 гг. // *Орел.* 1993. №3. С.23.

⁵ *Горелик М.В.* Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // *Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины.* М., 1983. С.261 — 265. Табл. VIII — 7 — 14; IX — 1,2.

⁶ *Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII — XV вв. Л., 1976. С.31 — 33. Рис.10.

⁷ *Винклер П.* Оружие ... С.150. Рис. 248.

⁸ *Солдатенко А.* Польская гусария ... С.20,23.

⁹ *Forster G., Hoch P., Muller R.* Uniformen europaischer Armeen. Berlin, 1978. Taff. 1 — 3; 2 — 2; 12 — 1; *Tincey J.* Soldiers of the English Civil War (2): Cavalry. London, 1990. P.45,46.

¹⁰ *Мельник Б.В.* Коллекция доспехов “крылатых гусар” из Львовского исторического музея. // *Памятники культуры. Новые открытия.* Л., 1983. С.425, 426.

¹¹ *Винклер П.* Оружие ... С.275 — 279. Рис. 364, 365, 371 — 376.

¹² РГАДА. Ф.27. Оп. 1. №118. Ч. 1. Л. 20об.

¹³ *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. Т.1. М., 1954. С.118.

¹⁴ ДАИ. СПб., 1853. Т.5. С.390, 393.

¹⁵ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1941. Т.2. С. 523.

¹⁶ *Зыков А.П., Походин А.А.* Шлем — шишак с озера Пяку-то// *Великий подвиг народа. Исторические чтения, посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: Тез. докл.* Екатеринбург, 1995. С.41—43.

- ¹⁷ Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. XVII в. Новосибирск, 1988. С.38, 39.
- ¹⁸ ДАИ. СПб., 1848. Т.3. С.328 — 330.
- ¹⁹ ПСРЛ. М., 1987. Т.36. Ч.1. С.161, 205.
- ²⁰ Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С.151.
- ²¹ Очерки истории Калмыцкой АССР (дооктябрьский период). М., 1967. С.120 — 125.
- ²² Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662 — 1664 гг.// ИЗ. М., 1947. Т. 24. С.70, 89, 94, 95.
- ²³ Там же. С.64.
- ²⁴ Бахрушин С.В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI — XVII веках. Л., 1935. С.63 — 66.
- ²⁵ Устюгов Н.В. Башкирское восстание ... С.92.
- ²⁶ АИ. СПб., 1842. Т. 4. С.373.
- ²⁷ Актовые источники по истории России и Сибири XVI — XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Новосибирск, 1993. Т.1. С.146.
- ²⁸ Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII — XVIII веках. Челябинск, 1966. Ч.1. С.89, 90.
- ²⁹ РГАДА. Ф.214. Оп. 3. Д. 663. Ч.1. Л.131.
- ³⁰ Устюгов Н.В. Башкирское восстание ... С.78.
- ³¹ Актовые источники ... С.165.
- ³² Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начала XVIII в.). Свердловск, 1992. С.187, 188.
- ³³ Тихомиров Н.И. К истории Далматовского монастыря //ЧОИДР. М., 1886. Кн. 4. С.19.
- ³⁴ Устюгов Н.В. Башкирское восстание ... С.80.
- ³⁵ Там же. С.83.
- ³⁶ Актовые источники ... С.103, 104.
- ³⁷ Устюгов Н.В. Башкирское восстание ...С.102, 103.
- ³⁸ Вкладные книги... С.191.
- ³⁹ Устюгов Н.В. Башкирское восстание ... С.103.
- ⁴⁰ Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья ... С.91.
- ⁴¹ Тихомиров Н.И. К истории Далматовского монастыря ... С.19.
- ⁴² Актовые источники ... С.166.
- ⁴³ Там же. С.39
- ⁴⁴ АИ. Т.4. С.373.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т.36. Ч.1. С.205.
- ⁴⁶ Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 — 1768 гг.). Ч.2. М., 1897. С.135 — 136.
- ⁴⁷ Вкладные книги ... С.11.
- ⁴⁸ ШФ ГАКО. Ф.224. Оп. 1. №157. Л. 8.
- ⁴⁹ Вкладные книги ... С.184 — 186.
- ⁵⁰ Кривошеков А. Далматовский монастырь ... С.267.
- ⁵¹ Рябков Н.Г. “Сня буря кедров сих двух не сокрушила”// Шадринская старина. Шадринск, 1994. С.20 — 26.
- ⁵² Артемьев А.Р. О мечях — реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею //РА. 1992. №2. С.66—74.